

аркадий
застырец

ИЗОБРАЖАЯ
ЧКАЛОВА

Аркадий Застырец
Изображая Чкалова

«Издательские решения»

Застырец А.

Изображая Чкалова / А. Застырец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932091-9

Над новой книгой автор работал почти два года и, по существу, продолжил в ней путь, знакомый читателям по его предыдущим поэтическим дневникам. «Изображая Чкалова» — это сумма воспоминаний, мыслей и образов, в которой каждый может найти слагаемое по сердцу себе.

ISBN 978-5-44-932091-9

© Застырец А.
© Издательские решения

Содержание

Чудо	6
Радио ночью	7
Военный альпинизм	8
Хронометраж	10
Подверженность	11
Fêtes galantes	12
Миссия	13
Утёс	14
Межа	15
Ты могла бы...	16
Март	17
Сибирское море	18
Рисунок	19
Бессонница	20
Лунатизм	21
Прощание с зимой	22
Изображая Чкалова	23
Дворовая	24
Гляжу и жду	25
Ньюфаундленд	26
Вокзал, буфет	27
Давай о Китае	28
Послушник – наставнику	29
Лесное	30
Айболит	31
С биноклем	32
Если уходишь	33
Зимним утром	34
Венера и Марс	35
Ещё не край	36
Канун воскресения	37
Кем быть	38
Святой Антоний	39
Соколиная охота	40
Над картой звёздного неба	41
Без особого места	42
Двенадцатая ночь	43
Данное свыше	45
Во плоти	46
Остановлен деревьями	47
Песня шута (Двенадцатая ночь)	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Изображая Чкалова

Аркадий Застырец

© Аркадий Застырец, 2018

ISBN 978-5-4493-2091-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чудо

– Надейся на чудо, – священник сказал.
Но доктор учёный ему возражал:
– Чудес не бывает, чудес не бывает, —
И губы в гранитную ниточку сжал.

Не долго дрались их во мне голоса,
Я докторский мрак одолел в полчаса:
Конечно же, чудо и не было б чудом,
Когда бы *бывали* у нас чудеса.

Радио ночью

Радио ночью, ах, радио ночью!
Медной антенны вращающую спираль,
И ничего-то не надо воочию —
В кончиках пальцев громадная даль.

На лакированный ящик ложится
Наша советская хищная пыль.
Ловишь и ловишь, как синюю птицу —
Кто там, напомни... Тильтиль и Митиль?

Радио ночью, сквозь лампы и платы,
Мне бы ВЭФ-10 хотя бы, а тут...
Ухо – к динамику хриплой «Кантаты»,
Через помехи и тихо – «Хэй, Джуд!»

Время, как воду в песок, проливаю,
В свете сокровищ глубокого дна
И – точно воздух хватаю – зеваю,
Дрогнет рука – и уходит волна,

Схлынет, неверная, с треском и свистом —
Вдруг по-испански – о чём говорят?
А на стекле золотисто-лучистом —
«Прага – Варшава – София – Белград».

Военный альпинизм

13 февраля 1943 года шесть военных альпинистов сбросили фашистские флаги с западной вершины Эльбруса (5642 м). 17 февраля 1943 года четырнадцать альпинистов второй группы сорвали остатки немецких флагов с восточной вершины (5621 м) и водрузили флаг СССР. <...> Из героической двадцатки военных альпинистов уже никого в живых не осталось.

(Михаил Бобров)

Может запросто быть
Нищетой изумруд,
Где, ломая гранит,
Эдельвейсы цветут,

Где кончается воздух
И смерти страда
Наступает на хвост
Как комете звезда,

Где гора, как живая,
В закате лежит,
Вроде спящего льва
И слепая на вид.

Кто угодно ослепнет
От этих снегов
Близ вершины, где хлеб
Наш насущный таков:

Не тушёнка из банки,
Не хруст сухаря —
Растворяет обман
Киноварным заря,

Мажет по небу плотно,
Как маслом ладонь,
Беспощадно кладёт
На сугробы огонь,

И в глазницах землян —
О белилах забудь! —
Замутили багряное
Сера и ртуть.

Но для выжегших страх
В яром пламени том
Будет дом в небесах —

Золотой в голубом...

Хронометраж

Ох, не точны красивые часы,
Упавшие с вокзального развала
В мазут и снег минувшей полосы,
Прекрасной всем, чего не доставало.

Отважные рожать своих детей,
За вечером мы вечер избывали,
И разве что случайные детали
До мозга пробирали нас костей.

Уже зияли лозунги и знаки,
Сулившие вот-вот переворот,
Мы шли и шли, лунатики, зеваки,
А время всё, казалось, не идёт.

А кровь напротив – ниточкой бежала —
То из носу, то набело по льну...
И всё, чего тогда не доставало,
Пошло сегодня на небо ко дну.

Подверженность

Крестьяне, свиньи, астронавты*,
Как душу рёвом ни травы —
Пожалуй, тут внезапно прав ты —
Мы все подвержены любви...

Нужде, влечению, желанью —
Не божества, так естества,
Что нашу спесь и гордость ланью
Гнёт о сустав, как дважды два.

Земля – увы, не Переландра,
Не избежать на ней рожна.
Тонка смородина скафандра,
И плазмалемма – ох, нежна.

А митохондрии – послушай! —
Шумят, как прибалтийский лес...
Но ближе чем к ядру, тем глуше:
Шероховата ЭПС**.

И пыль тут кажется живою,
В ней брезжит тщательный расчёт,
И, если что, то всё – травую,
Мясистым трыном порастёт.

*Намек на название альбома рок-группы «Kula Shaker» – «Peasants, Pigs and Astonauts» (1999)

**ЭПС – эндоплазматическая сеть.

Fêtes galantes

Орлом назвал тоскливых чисел решку
И наречён в истории Земли
Галантным веком. Видимо, в насмешку
Над перегноем алчности и тли.

Там сладкий дым неспешного кажденья
Сменяли смрадом пир и кавардак
И тайну несчастливого рожденья
Закладывал во мраке тайный брак.

Европа с мушкой, до смерти под мухой,
Глумясь над мушкетёром и слугой,
Не то что молодящейся старухой,
А впавшей в детство пялилась каргой.

Запутан в кружевах, слегка придушен
Поблёкшей паутиной слабых строф,
Вольтером в горло за полночь укушен,
Галантный век отнюдь не был таков:

Доднесь его соблазнов живы бесы,
Берущие за гузку не судом —
Капризом подменяют интересы
И брезгают рассудком и трудом.

Миссия

Из Египта и Марокко,
Из Туниса и Магриба,
Паруса воздев высоко,
Полетит корвет, как рыба,

Поплывёт быстрее, чем птица,
Над лиловыми волнами,
Наберёт, чтоб нам лечиться,
Трав целебных в Суринаме.

Чтобы мыться и плескаться
Нам с тобой в чудесной ванне,
Трюм завалит – умотаться! —
Красной солью на Тайване.

Купит наш купец надёжный
Зелье дивное в Калькутте,
Сложит, скроет в осторожный
Рундучок в своей каюте.

Встретим с башни на рассвете
Тень спасительного груза,
Рады новому, как дети,
Шагу нашего союза.

Утёс

Тихо морем берег сносит,
В соль смывает не спеша,
А навстречь – то рака бросит,
То медузу, то ерша.

Нежный шелест вод прибрежных,
Визг и смех издалека...
Отступает строй мятежных
Исподлюбья и с виска.

Вот одни – и вдруг другие,
Волны моря и людей,
Чьи тела полунагие
Полны радостных идей.

Ты – и то, хоть неподвижен
И в песок белёсый врос,
Преходящ и корнем сближен
С прахом, каменный утёс!

Ходом времени подлунным
Свален будешь, но пока —
Подставляешь плечи юным
Для отважного прыжка.

Межа

Уж всяко больше половины
С тобой мы прожили уже,
А всё мне слышен запах глины
В ночной невидимой меже,

Где я лежу до полусмерти,
Сражён безвременьем хмельным,
А надо мной дерутся черти
До крови с ангелом моим.

Скопления звёздные взметая,
В разгон молекулы-миры,
То грохнет вечность холостая,
То лопнут времени шары.

Под дых оглоблей пробужденья —
И водка выветрится вмиг...
До воскресения с рожденья
Не проберёшься напрямик.

Как далеко во мгле вчерашней,
С лучом от фары, быстр и чист,
Мотором тарахтит над пашней
Кристально трезвый тракторист!

Ты могла бы...

Ты могла бы остаться на море
И, не встретив, покинуть меня
В Мариуполя тесном разборе,
В мелководье морского коня.

В белой-белой соломенной шляпе
С невоспитанно красным цветком —
На колени к нёмёртвому папе,
По траве и песку босиком.

Ты могла бы остаться в солёном,
Загасившем волною гортань,
Ни на миг ни испугом, ни стоном,
Ни движением в грязь или дрянь...

И тебя не нашёл бы я сроду —
И вовек, не подумав искать,
Во свою бесконечную воду,
Что ни миг, погружаясь на пядь,

Кабы ангел-хранитель прохожий
Не схватил тебя за локоток
И не вытянул – Что ж это? Что же? —
Не давая уйти в водосток.

Март

Открою окно, потому что внутри уже стало
Совсем невозможно и попросту нечем дышать.
Открою – и пусть воцаряется скрежет металла
И с улицы ввалится смрадная с гиканьем рать.

Пускай раздаются направо, кругом и налево
Рычание поршней и пение лживых гудков
И в комнату рвутся, из зимнего вылетов зева,
Удар урагана и хватка морозных тисков!

Да врежет, визжа, продиктованной низом измены
Об верное сердце сломавшая зубы фреза!
Пускай расшибутся об кухни нагретые стены
Свирепые смерчи и снов ледовитых гроза!

За всем этим вихрем, за старой, как мир, круговертью
Я вижу, я чую распухшей от гриппа ноздрей —
Весна наступает, и наново в битву со смертью
Март-месяц кидается, как безрассудный герой.

Он выпил вина сорок чарок, ни много, ни мало,
И в путь на закате выходит, и в полночь идёт,
И тигр его ждёт, притаившись на дне перевала,
И тигра он спяну рукой безоружной убьёт.

Сибирское море

Ах, понятная даль
Академгородка!
Только юности жаль,
Да и жизнь коротка.

Отдаём и взамен
Ничего не берём.
Лаборант – супермен,
За углом – космодром.

Яшин круче Пеле,
В полной радуге лиц
Не найти на Земле
Краше наших девиц.

Даже те, что глядят
Через колбы стекло,
Не вмещаются в ряд,
Дай хоть каждой весло.

Коммунизма леса —
Легковесный каркас,
Но в воде – паруса
В приполуденный час.

Поднимаюсь бегом
На знакомый этаж,
Да и вниз босиком
С волейболом на пляж.

Моря пресного бег —
Рукотворная ширь.
Жалко, лето не век:
Сдох и высох мизгирь.

Но ракеты летят,
Ускоритель гудит,
И забыт Герострат,
И никто не забыт.

Рисунок

В моём простом карандаше,
По-птичьи, что ли, долгоносом,
Как жук в лавандовом саше,
Как Ленин в утлом шалаше,
Измучен финским сенокосом,

Уснул маяк...

Напрягом трёх пурпурных крон
Транзистор в нём горел, как призма,
О том, что бытие не сон,
Близка победа коммунизма,
И космос будет покорён...

И вдруг иссяк.

И я объёмную морковь
Вонзил с размаху в лист альбомный,
Пролив с кистей на контур тёмный
Медовой акварели кровь.

А вот войны смертельный ход
В листа того же обороте —
Горит над танком самолёт,
И лупит пушка по пехоте.

А вот с огромной высоты
Глядит лохматое светило
Туда, где взрывы, как кусты,
И смерти золотая жила...

И вот чего там только нету!
И тьме найдётся цвет, и свету...
А нет — убежища душе
В моём простом карандаше.

Бессонница

Привидится же чудище
В расселине дымов!
Убожество, прибудище
Из тайного и снов.

Холодный воздух лопают,
Как дынный мармелад,
И мокрой лапой шлёпает
Часам настенным в лад.

И пасть его ощерена,
По-волчьему полна,
В пустых глазах затеряна
Неполная луна.

Мои надежды нежные —
Мол, жить ещё и жить —
В объятия безбрежные
Готово заключить.

И чем душа в груди моя
Держалась бы в ответ,
Когда бы не любимая,
Лелеющая свет?

Лунатизм

Есть океан на левой стороне
Того, кто по ночам без света волен
И ходит высоко в глубоком сне
По крыльям крыш и рёбрам колоколен.

Есть океан и вечная тропа
На побережье тёплыми камнями.
Издалека на ощупь и слепа,
Всё видит ночь, летающая снами.

Есть океан и стаи пёстрых рыб,
И водорослей лес непроходимый,
И тёмный хоровод придонных глыб,
В парении медуз неопалимый.

Есть океан у спящих на ходу.
Вагон метро. Упала на пол книга —
И острие несущегося мига
Горящей спичкой чиркнуло по льду.

Прощание с зимой

Утро взмыло – и снова не промах,
Час-другой в темноте погода.
И мерещится в мутных проёмах
В тихом омуте пламя дождя.

Закипает земля под карнизом
На веселье костру моему —
Не спеша разгорается низом
Поджигающий холод и тьму.

Не спеша, полегоньку, помалу,
По молекуле – как помело,
Отдавая судьбу опахалу —
Ветру, марту, в песок и стекло.

Ладно, пусть под небесным пожаром
Паром, парусом вверх, невесом,
Монгольфьера невидимым шаром...
Погляжу на покинутый дом —

И готово. Поехали, братцы! —
Атмосферы пронзая апрель,
Чтоб в открытом летать и скитаться,
А не прахом и порохом в цель.

Изображая Чкалова

Железа или зарева
По нотам зная звук,
Сквозь дерево и марево,
И под гору без рук

В чужой портрет пикировать,
Разинув юный рот,
И Пушкина цитировать
От дома до ворот!

С девчоночьими визгами
И смехом в разнбой,
Весны облиты брызгами,
Довольные собой,

Изображая Чкалова
На крыльях под мостом,
В великое из малого
В потоке золотом!

Могли б и до Америки
С крестом и без креста —
На довоенном велике
И в шлеме «от винта».

Дворовая

Я дворовый зверёк. Не бесстрашен, но зайца храбрее.
Вот, как ветер, лечу по забора пожарной гряде,
И по пояс хожу за рудой в разъярённом пырее,
По колено в крови и гудроне, по горло в воде.

Под стеклом у меня золотые зарыты секреты,
Мусульманин, цыган и еврей в батальоне моём.
Оттого и свободны, и песенки наши не спеты,
Что по-русски мы хором заразные песни поём.

Кормим лошадь травой или хлебом, коли не без хлеба...
– Ах, *хабиби* ты мой! – *Кадерле, яв кэ мэ, мэхабэк!*
Всё в песке да земле, а с устатку в открытое небо
Поглядим – и видать: в облаках-то летит человек.

И ни камнем его из рогатки, ни серой с болтами
Не достанешь никак и с тугой синевы не собьёшь.
Может, он – самолёт или шмель над густыми цветами,
Где лежишь от жары – ни любви, ни потери не ждёшь...

* *хабиби* – любимый (турецкий)

** *кадерле* – дорогая (татарский)

*** *яв кэ мэ* – иди ко мне (цыганский)

**** *мэхабэк* – обнимаю (иврит)

Гляжу и жду

Сквозь тёмное, неровное,
Сквозь дымное стекло
Гляжу на солнце кровное,
Чуть утром рассвело.

Гляжу и вижу в будущем
Детей моих детей,
Позёмку беспробудную
Рождений и смертей.

Гляжу и жду затмения
Сквозь дымные слова,
Но только на мгновение
Одно иль много – два,

От той до той доплыть ещё
Обители теней,
Счастливее родителей,
Но сердца не умней —

Чтоб мысли дно тяжёлое
С пути не увело
И чтоб из рук ольховое
Не выпало весло.

Ньюфаундленд

Утопи ты свои корабли
В этих водах слепых и угрюмых.
Не бросай якорей, не юли,
Не ищи себе ценного в трюмах.

Сухари и разбавленный ром,
Кипы чёрного мокрого джута...
Утопи их под звёздным крестом.
Удиви своего баламута.

Всё – на дно вместе с гневом твоим,
Как комар полуночный, писклявым.
Не суди, будто сам не судим.
Хватит плавать маршрутом корявым.

Снова солнце с луной потеряв,
Что ты делаешь там с парусами?
Ты не лев и тем паче не прав,
И дрейфуешь на запад частями.

Утопи все мосты и труды
И в хромой протекающей шлюпке
Правь туда без еды и воды,
Где границы морозны и хрупки

И звенят одиноко слова,
Повисая в белёсом просторе...
Правь туда, где надежда мертва
И свинцово открытое море.

Только там и увидишь свою,
Как нигде, невозможно яснее...
Только там, на отвесном краю,
В темноте и во льду цепenea...

Вокзал, буфет

Ты сочиняешь «Книгу перемен»,
А за окном и льдом – тебе знакомо? —
Составом тёмным вылинявших стен
Маячит пароход родного дома.

Пятиэтажный долгий силуэт
В тумане зим и летнем балагане...
Предъявишь проводнице свой билет,
А на перроне – пёстрые цыгане;

Мундир на майке, курит отпускник;
Осталось три минуты остановки;
Мужчина в тапках и командировке
Бежит за лимонадом напрямик;

По радуге внизу мазутных пятен
Путеобходчик походя стучит...
А проводница смотрит и молчит:
Ей твой билет просроченный невнятен.

Давай о Китае

Давай о Китае. Я верю в пекинское утро,
Где солнце касается светом изогнутых крыш...
Ну ладно, я не был. Мне снилось, как будто, как будто...
Такое бывает – всё видишь, как будто не спишь.

И видишь, и дышишь, и гонишь полночную змейку
На небо, а небо такую грозит синевою,
Что крепко берёшь на балконе железную лейку
И льёшь – поливаешь фиалку, пион и левкой.

Давай о Китае. С рассветом спешат на работу
Борцы, водоносы и дворник с лохматой метлой...
Забудем про Гамбург. Давай по пекинскому счёту
Столкнём и оценим шмеля с неусыпной пчелой.

Давай о Китае, на память и смерть обречённый,
Зачем на земле мы короче дождя и травы?
Кровавому цветку границу рисует зелёный
И медленно пасть разевают бетонные львы...

Послушник – наставнику

Если бы ясно вначале мне Силы сказали:
– Вот тебе небо и море, а после конец...
Стал бы я спорить? Спросил бы у Бога в печали:
– Где твоя лодка и где твоя птица, Отец?

Что мне за то полагается? Что мне за это?
Даром ли белое буду на свете терпеть?
По сердцу ль осень и лучше ли душное лето?
Весело ль будет метели испробовать плеть?

Кстати, зима. Может, хочется мне холоднее?
Или совсем отменить холода в Новый год...
Утру ли вечера быть для меня мудренее?
Ночи ли ум неусыпный забрать в оборот?

Если бы воля дана мне была до рожденья,
Чем бы ответил на планы творенья Творцу?
Лучше ли сна мои самые светлые бденья?
Лучше ль овце, чем нашедшему в яме овцу?

Лесное

Рака в раковины раке
Аз, ныряя, сторонюсь
И боюсь, как злой собаки,
Жгучей нежности медуз,

И дрожу, когда мне рыба,
Мимо кинувшись тишком,
Жаброй тронет рёбра, либо
Ногу – острым плавником.

Не моя ты, море, доля,
Хоть и с образом небес!
Мне полей милее воля
Да в июле светлый лес,

Где пригреет солнце сладко
Через листьев облака,
И лисы кустом украдка,
А в ветвях – бурундука.

Мягко стелются иголки,
Будь то ёлка или ёж...
А случись навстречу волки —
Белой бабочкой порхнёшь.

Айболит

Сходишь к врачу – и захочется жить,
Дышится легче с рецептом в кармане,
Точно суровая в пуговку нить
Вдета и накрепко – в облако ткани.

Не оторвёшься, душа моя, врёшь!
Снова крадётся любовь к изголовью,
А в рукаве у ней – ведомо – нож,
К марту по снегу притянутый кровью.

Ох, и хорош он! Медвяная сталь
Непререкаема в солнечном блеске:
Каждую высветит в пальцах деталь —
С долу клинка до клейма арабески.

В каждый прицелится сердца удар,
В самую точку зеницы взглянется...
«Я, – говорит, – тебе радость и дар».
«Аз, – проповедует, – синяя птица».

Ты и поверишь и с нею летишь
В Грецию греться, в Италию таять,
В Англию – что?.. За окном рассветает
И на прощание капает с крыш.

С биноклем

С биноклем было хорошо!
В окно глядишь, а видишь море,
Где горизонта ровный шов
Не параллелен шву на шторе.

И там дома – как корабли:
Стоят на рейде целым флотом
Еще в виду цветной земли
Перед космическим полётом.

В волнении по росту ряд —
Планеты яркие крупницы,
А в стратосферу львы и птицы,
Опережая всех, летят.

Едва рассветом темень смыло —
Под ледяной вставать пора,
И всюду с золотом белила
Велосипедные с утра.

Если уходишь

Если надел и шнуруешь свои башмаки,
А разговор продолжаешь, но вот он – порог.
Ночи и ветру, и времени в нас вопреки
Надо идти, и в прихожей теперь – эпилог.

Долгие проводы в долгих слезах сокращай.
Если твой плащ прошуршит на прощание так,
Точно порывистым шёпотом скажет «Прощай!» —
Значит, пора. Значит, вышел тебе оверштаг.

Впрочем, и эта надежда на новое – самообман.
Просто пора. Просто весь израсходован свет.
Три папиросы и спички засунешь в карман,
Где ещё медь и на поезд картонный билет,

Просто пора. Сколько можно в прихожей стоять?
Вот и часы шестерёнками в рельсы стучат...
Может, успеешь в смущении нас приобнять,
И – угасая – в подъезде шаги отзвучат.

Хлопнет тугая к пружине прибитая дверь,
Снегом повеет, и ключ повернётся в замке.
Может, и встретимся... Веришь? А впрочем, не верь!
В гору дорога, и лучше шагать налегке.

Зимним утром

Зимним утром тихий разговор.
Кожа звуком бережно задета.
Холодок имперского рассвета —
В тёмных складках бабушкиных штор.

И лежишь, прижав ладонь виском
И сквозь морок сонный понимая:
До воскресных сердцу далеко —
Может, даже дальше, чем до мая.

Нет, ещё надеешься дойти
За часов настенных точным следом,
И в горячей держится горсти
Золотой, оставленный мне дедом.

А в шкафу заветном – горяча,
Точно с прошлой Пасхи не остыла —
Формы для земного кулича
Вся в крестах таинственная сила.

Венера и Марс

На Марсе жизни нет —
Я верю марсоходу.
Бьёт в камни смерти свет,
И не отыщешь воду.

Живым на Марсе – швах
Согласно Голливуду.
В твоей обшивки швах
Лучи – как иглы вуду.

И никому твой флаг
Со звёздами не нужен,
Где ада красный шлак
Бездушьем отутюжен.

Сто сорок дней пути
Сквозь чёрные пустоты —
Умри, а долети!
На то и звездолёты.

Но вместо жизни жёсть
Там нашу ждёт ракету...
На Марсе жизни нету,
А на Венере – есть.

Ещё не край

Ещё не край, поверь, ещё не крышка.
Скачи, скачи, свердловский воробей!
Пускай в глазу апрельская ледышка
Застыла и не тает, хоть убей.

В пустых ладонях – лёгкая привычка,
Но щели в лодке – как ни соберу:
Невероятно вспыхнувшая спичка
Без продолженья гаснет на ветру.

Короткая свечения виньетка
Не жарче алогрудых снегирей.
Со строчкой быстро движется каретка,
В строки начало – во сто раз быстрее.

Не слушайте меня, в рукав молчите
И, положив под белое крыло,
На берег моря по небу свезите.
Где мёрз Овидий, будет мне тепло...

Канун воскресения

Всё в общем как прежде, обычно.
Как было не раз и всегда.
Безверие нагло и зычно,
Слетается на провода.

По новой – Содом и Гоморра,
Кошмару не видно конца.
Рвёт горло безумная свора
Во имя золотого тельца.

Взрывчатка не чувствует боли,
Не знает смертельных обид...
Но что-то в весеннем раздole
На дым не похоже дымит.

Собрание в омуте тихом
Готовит последний мятеж.
Набат раскачался над лихом —
Не встать ему спящему где ж!

И время идёт не по мере,
И небо – не то, что вчера.
Четвёртые сутки в пещере...
Пора тебе, Лазарь, пора.

Кем быть

Сперва хотел я водолазом,
А космонавтом – не желал,
Невинным впитывая глазом
Базар, плотину и вокзал.

Не романтически мечтался
Себе в свинцовых сапогах,
А – наводнения боялся
И так рассеивал свой страх.

И с погружением бездонным
За острым взглядом в глубину
Под тёплым ливнем законным
«Вот дудки, – думал, – не усну!»

Глядел на рыб – их было много,
И сквозь подвижную траву
Я уходил от осьминога
Во сне – совсем как наяву.

И не боялся захлебнуться,
Готов почти наверняка
Из водолазного разуться
И взмыть стрижом под облака.

Святой Антоний

Я пою на краю водопоя,
У заснеженной тёмной реки,
И с луною выходит нас двое
Беззастенчивой тьме вопреки.

И с луною нас двое выходит
На сухой от мороза песок.
Панегирит мой голос и одит
От подводного на волосок.

Не боюсь я уже захлебнуться,
Можно залпом и весь океан
С Антарктиды китайского блюда,
Ледяной наклоняя стакан.

До рассвета в бессоннице двое
Остаётся нас бредить с луной.
Наступает на грудь нулевое,
Надвигается белой стеной...

Но наверно ни глуби, ни глыбы
Не заставят меня замолчать,
Если слышат во тьме даже рыбы
Каждой буквы звонок и печать.

Если звёзд изумрудные свёрла
К атмосфере в прозрачный притык,
И клокочет продрогшее горло,
И касается Неба язык.

Соколиная охота

Ловля соколом дрозда, толстая перчатка,
Птичий глаз острей гвоздя в роковом кресте.
Ветром перья тербит солнечная хватка
И тревожный бубенец на рябом хвосте.

Горны, трубы над травой, золотые сети,
Дева-пламя на коне, перебранка псов,
Чистый воздух и на том, и на этом свете —
Отворяя, поутру прогремел засов.

Ну же, ловчий, поспешай! Весело без шапки!
Сзади вьётся епанча морем грозовым...
Серый кролик на руках у моей арапки,
А у рощи над рекой стынет белый дым.

Ловля соколом дрозда и желанья взглядом,
Долгим летом на огонь до смерти летим,
Упиваемся любви и надежды ядом,
Каждый думает: – Ничто! Выйду невредим.

Каждый верит, что земля мягче тёплой ночи,
И, поводья отпустив, дышит на износ.
Только жизнь охоты всей на версту короче,
Даже рысью не длинней, чем на вёслах плёс.

Над картой звёздного неба

Зачем нужны подробности и лица,
Когда, хоть этак выверни, хоть так, —
Смывает всё и даже не клубится
Космический по смерти нашей мрак?

И там, в несоразмерной нам громаде,
Непостижимый властвует закон...
И где искать ответ, чего он ради
Над вечностью не нами возведён?

И что он есть? Какие позволяет
Решения, свободы и права,
Когда миры навеки разделяет
Растущая от взрыва голова?

Где прорасти зерну весёлой веры
В неуязвимость тающих сердец,
Когда лишь неизвестности химеры
Вцепились в края зимний леденец?

Каких еще нам ждать чудес и правил
Каких искать в галактике планет,
Когда Христос воскресший нас оставил
И космонавт сказал, что Бога нет?

Без особого места

Точно ржавые ножи
И тупые свёрла,
Ходят по двору бомжи —
В полусмерти горло

Или горькую со дна
У кирпичной будки
Пьют до полного темна
Грозовой побудки.

Оттого ль черны лицом
Без тепла и дома,
Что скелет их невесом,
А душа весома?

Нет, уже и от души
Мало что осталось,
И в глазах — одни шиши,
Мокрая усталость.

Вспять к себе не повернуть,
Притулившись к сукам,
Умереть, а не уснуть
Под чугунным люком.

Двенадцатая ночь

Прозрачно поутру,
Из бури в утро, прочь!
Брат повстречал сестру
В двенадцатую ночь.

В двенадцатом раю
Сестру увидел брат.
Я вас боготворю,
И герцог тоже рад.

И герцог рад на борт
С Цезарио взойти,
Ему не брат сам чёрт.
Виола, погоди.

Галеры обойдут
Губительную мель,
Всех на закате ждут
Прощенье и постель.

Как простыни, снега —
На куполах вершин,
Иллирии берега —
Под кровом серых льдин.

Оставив мрачный скит
И буковую жердь,
Оливия сразит
Любовью – брата смерть.

Воскреснет брат с утра
И, разбивая лёд,
Как герцога – сестра,
Оливию найдёт.

В двенадцатом часу,
Едва часы пробьют,
Застынет на весу
Обмякший парашют,

Удары, голоса,
Антонио побег...
И с мачты паруса —
Как простыни и снег,

Повалятся, точь в точь

Как снег на сад и дом,
В двенадцатую ночь
Мы все тут оживём.

Данное свыше

Вот вам от ведущего в замок отмычка:
Мы просто привыкли. Всё – только привычка —
К дыханию, зрению, речи и слуху,
Привыкли к рождению звать повитуху,

К рассвету привыкли во имя заката,
К тому, что за всё полагается плата —
За шелест прибоя и грохот вагонных,
За шёпот любимых, счастливых и сонных,

За улицу, смытую ливнем по окнам...
К тому, что и эта наука не в прок нам,
Не в прок и спасение грешным и страстным,
К земному вращению телами причастным,

К весеннему, грозному – собственным ростом,
Не внемля ни граю ворон над погостом,
Ни строгим рецептам своей медицины,
Ни лазерной точке последней причины...

Но верим хождению Бога по водам,
Всем городом, всем человеческим родом,
И воду Спаситель в вино превращает
И новый за ночью рассвет обещает.

Во плоти

Солнце в рукаве пальто...
Поцелуи на полу...
Мы пока себе никто,
Путешествуем в углу.

Начинаем чудеса,
Как положено, вдвоём.
Тает зимняя роса
На каракуле твоём,

И румяная щека —
Прижимаю к ней свою —
Подморожена слегка,
Слаще яблока в Раю.

Юный, до смерти любя,
Приворочиваю взор
И мерцание себя
Вижу в зелени озёр.

И бессмертная в глазах
Отражается душа,
Побеждая смертный страх,
Во плоти едва дыша.

Остановлен деревьями

Всё так было, что не было будто —
На коньке возрастающих сил
Разбежавшись в июльское утро,
Остановлен деревьями был.

Или бабочкой, снега белее,
Сбитый с ног в молодую траву,
Захлебнулся в таёжном елее,
Во полынном расплавился рву

И лежал под стеклом паутины,
Тише мыши, ясней родника,
И в уме отмечал именины
Моего двойника паука.

Бурундук привечал меня свистом,
И светило светило насквозь,
И плясала, как золото чисто,
Восходящая пороха горсть.

И земля до кости обнимала,
И слезу утирала со щёк:
Мол, и жить остаётся немало,
И погост на пригорке далёк.

Песня шута (Двенадцатая ночь)

За уходящим – что там?
Любовь, война, борьба?
Нежданным поворотом
Решается судьба.

Сестра увидит брата
На свадебном пиру.
Заклятье будет снято,
И брат найдёт сестру.

Как боб на боб, похожи,
Но вовсе не равны.
Жена ему не то же,
Что муж в руках жены.

Сэр Тоби для Марии —
Мальволио, не плачь —
Поток живой стихии,
Земной тоски палач.

Да будут все открыты
И веселы, как лес,
Которым полы сшиты

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.